

ПЯТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Экран и сцена.

- 1997. -

- 27 мая 15. -

- 4 дек.

- 0.7.

Ты что-то пишешь редко, пропал и не слышать, а мог бы о соседке почаще вспоминать, у нас в Москве сенсация, которой ждал весь мир: сумели догадаться, кто был такой Шекспир.

Догадался – путем долговременных (лет пятнадцать) литературо-и-книговедческих научных разысканий Илья Менделевич Гилилов, и написал такую книжку, что мне, например, хочется написать в его отчестве не три "е", а четыре.

Итак, книжка называется "Игра об Уильяме Шекспире, или Тайна Великого Феникса". М.: Артист, режиссер, театр, 1997. В ней 472 страницы, указатели, иллюстрации, множество отсылок, феноменальная научная эрудиция, переводы совершенно неизвестных текстов, а читается все это взахлеб, как самый натуральный приключенческий роман, и самое удивительное, что читается отнюдь не только профессионалами, но и людьми, едва причастными или вовсе не причастными к изучению истории литературы (меня вывели на эту книжку мои же студенты).

С чувством законной гордости сообщая, что издали книгу мои коллеги из безжалостно разогнанного "Искусства" – редактор Ламара Пичхадзе, техред Тамара Любина, корректор Татьяна Медведовская – и я, отлично представляя, сколько вложено таланта и труда в это столь нетипичное для нашего времени

Письмо к ученому соседу (26)

издание, называю их только по имени и фамилии – как кинозвезд или поэтесс. Компьютерную верстку выполнили О.И. и И.В. Батовы. Очень хочется назвать в этой связи также Сергея Никулина – он, несомненно, имеет прямое отношение к предприятию, хотя бы как владелец книжного кабинета при СТД, где все это великолепие продается всего за тридцать тысяч.

Теперь о том, в чем соль. Соль в том, что Гилилов предложил кардинальное решение шекспировского вопроса и сумел его – решение – убедительно аргументировать.

Вопрос, как известно, заключается в том, что не слишком грамотный и довольно прижимистый делец из Стратфорда считается величайшим литературным гением Европы, хотя не оставил после себя ни клочочка рукописного текста. Стратфорду это лестно. И конечно, очень-очень выгодно: там целый огромный бизнес, туризм, сувениры, пабы, мемориальный музей, кладбище, процветающая торговля и слава-слава-слава, короче, козырный туз национального пантеона. А Европе это как-то не совсем понятно: ну, откуда у этого парня из Стратфорда самый большой в мире словарный запас, самые обширные для своего времени научные познания, и почему это он пишет то об Италии, то о Франции, то о Дании, ежели никогда дальше Лондона не высывал носа? И откуда у него все его великосветские и литературные замашки и знакомства, если все образование – церковно-приходская, то бишь грамматическая школа – и та под вопросом? Что стратфордская версия – нелепость, давно ясно. Может, только в академических кругах Великобритании (понятная патриотическая aberrация) да у нас (железный занавес) еще находились такие ортодоксы и лопухи, что в нее верили. Но как только начинают выдвигать кандидатуры на вакантное место, так что-нибудь не срабатывает, противоречит, опровергает, что-нибудь да не так.

"В подвальном помещении Библиотеки Фолджера, – пишет Гилилов, – одну секцию – несколько полок – занимают сочинения о "шекспировском вопросе". Здесь редко кто бывает: про себя я называю этот уголок "убежищем еретиков". Вот пухлые сочинения бэконянцев... Томики дербианцев, сторонников Марло, оксфордianцев, сторонников группового авторства... Вот книга Петра Пороховщикова, вот дотошные немецкие нестратфордianцы начала нашего века, книги Демблona, так и не переведенные за восемьдесят лет на английский язык... "Убежище еретиков" – убедительное свидетельство того, как нелегок путь человечества к познанию истины..." (стр. 447)

Что же сам Гилилов? А он назвал страдфордца Шакспером, такой вот простой прием, и стал искать Шекспира. И нашел его неподалеку от Шервудского леса в поместье Бельвуар ("ничего прекрасней на свете я не видел") в лице хозяев поместья – графа Роджера Мэннерса пятого графа Рэтленда и его жены – Елизаветы Сидни-Рэтленд. Это он, Рэтленд, путешествовал в юности по Италии и Франции, учился в Падуанском университете вместе с Розенкранцем и Гильденстерном, ездил в Данию, дружил с Саутгемптоном, дневал и ночевал в "Глобусе", владел огромной библиотекой, устраивал пышные празднества-маскарады, был принят при дворе, участвовал в заговоре Эссекса, испытал тюрьму и опалу при Елизавете, был восстановлен в правах Иаковом, страдал какой-то неизлечимой болезнью, имел герб с изображением странного кривоногого единорога... И он задумал и осуществил грандиозную игру-мистификацию вокруг своего авторства, прикрываясь всю жизнь живой маской – тем самым Шакспером из Стратфорда, за что ему – Шаксперу – и была уплачена домоправителем

Рэтлендов щедрая mzda после одновременной смерти великого мистификатора и его – платонической! – супруги. И самые знаменитые поэты елизаветинской поры и блистательные дамы этого избранного круга оплакали их в зашифрованной поэме о Голубе и Фениксе и издали сочинения Шекспира к десятилетию и двадцатилетию со дня их смерти. Сколько же получено ответов на, казалось бы, неразрешимые вопросы, и сколько этих вопросов еще осталось. Из них самый интригующий – зачем? Зачем был нужен отказ от славы, эта великая тайна авторства, которую Рэтленды унесли с собой в могилу?

Элла ВЕНГЕРОВА

P.S. То, за что уплачено Шаксперу, названо по-латыни impressum, и переводится как отпечаток, слепок, маска. Но тем же словом всегда пользовались типографы, указывая выходные данные издания. В конце книги Гилилов приводит стихотворение Набокова "Шекспир": Ты здесь, ты жив – но имя, но облик свей, обманывая мир, ты потопил в тебе любезной Лете. И то сказать: труды твои привык подписывать – за плату – ростовщик, тот Виль Шекспир, что Тень играл в "Гамлете", жил в кабаках и умер, не успев переварить кабанью головизну...

P.P.S. Осталось еще столь же кардинально решить Гутенберговский вопрос и... как это? Тиходонский.